

телей прежнего времени. О школе он мало говорил. Говоря о встрече и знакомствах, Тарасов упомянул о генерал-адъютанте бароне Фредериксе, занимавшем тогда должность управляющего придворной конюшенной частью (впоследствии графа и министра двора). Всеволожской поспешил заявить, что он с ним знаком и бывает у него. — «Я тоже знал его, когда он командовал конногвардейским полком, — сказал Тарасов. У Николая Дмитриевича уже ушки на макушке. — Ах, вы знакомы с бароном? — с приятным удивлением говорит Всеволожской, и значение Федора Лаврентьевича в его глазах вырастает на 50 процентов. Вскоре после этого разговора директор театров Иван Александрович Всеволожской говорил мне: — А племянник мой очень доволен работой по ревизии и в восхищении от Тарасова. Я его мало знаю, но Коля говорит, что он очень интересный человек, прекрасно знает монтажную часть и удивительно ретивый работник. Надо вам иметь его в виду, если откроется какое-нибудь движение. — Знакомство Тарасова с Фредериксом видимо очень заинтересовало Николая Дмитриевича и при первом же удобном случае он опять навел разговор на соответствующую тему. — А вы часто бывали у барона Фредерикса? — спрашивает он. — Бывал, да... но не очень часто! — отвечал Федор Лаврентьевич. — А где вы познакомились с бароном? — Да как вам сказать?... я знал его по службе... я служил в конногвардии. — Ага-а! — Фонды Тарасова в глазах Всеволожского поднялись еще на десяток процентов. С своей стороны сообразительный Тарасов быстро раскусил своего сотрудника, а присущая ему комическая жилка подсказала удобный случай позабавиться. Поэтому он охотно шел на разговор о Фредериксе, заранее предвкушая занимательность и эффект его развязки. При одном из последующих свиданий Всеволожской, заинтересованный связями с влиятельными лицами вообще, опять стал допрашивать Федора Лаврентьевича. — Вы бывали у Фредерикса в его доме на Почтамтской? — Да, на углу Конногвардейского переулка. — Прекрасная квартира, вы хорошо ее помните? — Не особенно... — Помните, какой кабинет!.. А столовая-то!.. — Нет, я в этих

САККО И ВАНЦЕТТИ

Проект нового памятника капиталистическому „правосудию“ „Симплициссимус“

Прилетевшие в Мюнхен и остановившиеся на один час американские летчики Виллиам Брок и Эдвард Шлек „пробуют“ мюнхенское пиво. Летчики совершают полет вокруг света

комнатах не бывал. — Не бывали? Странно... А какие же комнаты вы знаете? — Я бывал только в кухне, да иногда в передней. — Как?! — Всеволожской поражен. На несколько секунд он ошеломлен, в полном недоумении. — Но почему же именно в кухне? Как странно!.. — Да ведь меня наряжали вестовым к полковому командиру. — А вы кем же были? — Рядовым. Я отбывал в конной гвардии воинскую повинность. — Всеволожской совершенно разочарован. Весь интерес встреч с Тарасовым и общности аристократического знакомства испарился как дым. С тем вместе исчезла заинтересованность ревизии, и Николай Дмитриевич спешил покончить с ней. — Тарасов с своей стороны не удовольствовался произведенным впечатлением и в дальнейших беседах дополнил его некоторыми иллюстрациями. «Не знаю, — говорил он, — почему меня взяли в конногвардию... ростом я не больно велик, да и фигура неподходящая, толстая. Потому-то меня и назначили в музыкальную команду, — литавристом, как обучавшегося музыке в театральном училище. Но вскоре же меня забраковали». «Что же, вы плохо владели инструментом?» «Нет... не в этом дело, — за внешность. На каком-то учении влез я на огромную лошадь и сижу с литаврами... ноги короткие, живот большой... чучело чучелой... Взглянул на меня эскадронный: «Уберите, кричит, эту дуру!» Ну и убрали, — перевели в швальню». Николай Дмитриевич окончательно шокирован этим рассказом, — фонды Федора Лаврентьевича упали до нуля. В ближайшем разговоре со своим дядей Николай Дмитриевич совершенно иначе, чем раньше, аттестовал Тарасова. «Конечно... Тарасов знает монтажное дело... но очень уж он... какой-то вульгарный и... и неприятный». Покончив с ревизией, Всеволожской избегал встреч с Федором Лаврентьевичем, представлявшимся ему чем-то непорядочным. Впоследствии, получив камер-юнкерство, Николай Дмитриевич, при встрече с Тарасовым, не замечал его.

В Погожев

АКАДЕМИК Э. К. ЛИПГАРТ

К 80-летию со дня его рождения

3-го сентября исполнилось 80 лет со дня рождения академика живописи Эрнеста Карловича Липгарта.

Уроженец г. Дерпта, Липгарт провел свою молодость в Италии, где имел возможность глубоко и серьезно изучить итальянскую живопись под руководством своего отца, одного из виднейших знатоков искусства. Вместе с тем, во Флоренции он стал заниматься живописью у знаменитого Леонардо, с которым ездил в Испанию изучать Веласкеса и других испанских мастеров. Долгое время жил и работал в Париже. Здесь он сразу выдвинулся на одно из вид-

ПУГАЧЕВСКИЕ ПУШКИ

В с. Сорочинском Самарской губ., Бузулукского уезда хранятся пять старинных чугунных пушек 18-го столетия, приписываемые Пугачеву. По архивным документам выяснилось, что сам Пугачев доходил до села Сорочинского и в декабре месяца 1773 г. занял его. Так как Сорочинское было тогда крепостью, то в нем несомненно находилась и артиллерия, которой и воспользовался Пугачев. На снимке группа членов Волисполкома с председателем ЕИК тов. Пономаревым, слушают объяснение о прошлом села Сорочинского и пушек

ных мест, как живописец и рисовальщик (в ряде изданий). Его картина «Вознесение Марии Магдалины» в 1884 году была приобретена французским правительством и о ней были даны весьма хвалебные отзывы тогдашней критики.

Дарование Э. К. Липгарта, преимущественно, декоративное. Его всегда привлекали большие, пышные композиции с массой фигур. Огромное влияние на него оказало искусство великого венецианца XVIII века Д. Б. Тьеполо, которого, допустив курьезный анахронизм, Булгаков в своей книге «Наши художники» назвал учителем Липгарта.

За долгую свою жизнь Липгарт исполнил массу росписей, плафонов, театральных занавесов и проч. Также велико значение маститого юбиляра, как живописца станковых картин и портретов.

В молодости Липгарт написал для галереи Шака в Мюнхене ряд превосходных копий с величайших произведений итальянских мастеров. Одним из виднейших работ Липгарта за последнее время являются плафон, портал и занавес в театре Дома Просвещения (Мойка, 94).

Нужно также упомянуть о преподавательской деятельности Э. К. в школе О-ва поощрения художеств, где он руководил классом декоративной живописи. В 1893 году Липгарт был избран академиком живописи, а в 1902 г. — действительным членом Академии Художеств.

Будучи крупнейшим знатоком итальянского искусства с европейским именем, Э. К. Липгарт уже долгие годы состоит хранителем Эрмитажа. Его перу принадлежит множество ученых трудов как у нас, так и во Франции, Германии, Италии и других странах; мнения Липгарта весьма ценятся всею европейскою научно-художественной критикой.

Значение всей многообразной деятельности маститого юбиляра — огромно. Как художник, он является хранителем высоких традиций итальянского искусства Возрождения и, главным образом, его пышного заката в Венеции (влияние Тьеполо); как ученый, он внес много ценного в сокровищницу нашего знания в области мирового искусства; по-

ставил и разрешил ряд проблем в этой области.

До сих пор, несмотря на преклонный возраст, Эрнест Карлович не сложил своих кистей и пера, продолжая любимое дело, которому отдал всю свою любовь и энергию.

Всеслав Войнов.

„РЕВИЗОР“ МЕЙЕРХОЛЬДА

О «Ревизоре» в театре имени Мейерхольда, кажется, все уже сказано. Диспуты, рецензии, статьи в журналах, монографии и сборники, посвященные постановке, разобрали этот спектакль по косточкам и с разных точек зрения. Ленинградский зритель явился в театр уже хорошо осведомленный и о своеобразном драматическом построении спектакля, и об оформлении, и об игре актеров, и обо всех острых моментах спектакля. Разжеванное оставалось проглотить. Может быть, по этой причине зритель так мало и скупо реагировал на представление? Все ему казалось знакомым, как будто уже где-то виденным и слышанным.

К тому же спектакль скучный, растянутый, однообразный в драматической композиции и сценических формах. Внимание зрителя быстро утомляется и поддерживается в напряжении только отдельными моментами, из которых самый удачный на протяжении представляет, когда Хлестаков при встрече с городничим, чувствуя что его принимают за какую-то важную особу, быстро переодевается в блестящее военное платье — сюртук, шубу и каску, единственный момент логически оправданный замыслом Мейерхольда и создающий ярко театральный эффект; и самый скучнейший —

дача взятка. Есть моменты, напоминающие дешевую клубную инсценировку. Таков эпизод «благословение» дочери городничего, с хлебом и солью, образами и пением: «Милосердия двери отверзи нам»...

СЧАСТЛИВАЯ ГЕРМАНСКАЯ „РЕСПУБЛИКА“

Нам не надо новых монархов — у нас каждый чиновник монарх „Симплидиссимус“.

КРАСНАЯ ДИНОРАМА

2

Библиотека
имени
В. И. Ленина
С.С.С.Р.

Художник П. И. Тараканов

Цена № 15 к.

Издание «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»

№ 39

23 сентября 1927 г.